

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИНЖЕНЕРОВ

V Международная научно-практическая конференция

Санкт-Петербург, 23-24 мая 2013

Сборник научных трудов

HUMANITIES IN ENGINEERING EDUCATION: TOPICAL ISSUES AND PROSPECTS

International Research and Practice Conference

Russia, St. Petersburg - May 23rd-24th, 2013

Санкт-Петербург

2013

УДК 81+372.8:811

ББК 22.18-9

А 434

В сборнике представлены научные статьи участников V Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы и перспективы гуманитарного образования инженеров» (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», 23-24 мая 2013 г.) Рассмотрены актуальные проблемы и перспективы развития гуманитарных дисциплин в техническом вузе; иноязычного обучения, перевода, переводоведения, лингвистики и лингвосомиотики.

Материалы сборника предназначены для преподавателей, аспирантов, студентов, учителей школ и гимназий, а также для широкого круга лиц, интересующихся проблемами языкового образования в техническом вузе.

The collection of papers presents articles of the participants of the fourth All-Russian scientific conference “Peculiarities of linguistics for specific purposes and languages teaching techniques in a higher technical educational institution” held at the National Mineral Resources University of Mines in St. Petersburg on May 23^d and 24th 2013. This volume is dedicated to the issues and prospects of human subject training such as philosophy, history, political science, cultural studies in modern universities as well as rendering and translating, linguistics and semiotics and language teaching methods.

The papers might be useful for lecturers, PhD candidate students, undergraduate students, teachers, and the general public interested in the issues of language education at a technical university.

Редакционная коллегия: доцент *А. И. Михеев* (председатель), доцент *М. А. Иванова*, доцент *Ю. М. Сицук*, доцент *С. А. Свешникова*, доцент *И. Г. Герасимова*, доцент *Е. В. Кузнецова*, доцент *О. А. Кочергина*, ст. преподаватель *М. С. Михайлова*, инженер-лаборант *Т. Е. Демушкина*

ISBN

© Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», 2013

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИНЖЕНЕРОВ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Национальный минерально-сырьевой университет «Горный»

Санкт-Петербург

2013

Иванова Е.П.

Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОРИЯ СЛОВ И ВЕЩЕЙ В СЛОВАРЯХ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНТЕРТЕКСТА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ ОТ 17 ДО 21 ВЕКА

Samples in a dictionary can be deemed as an intertext which embeds the word into its real-life usage and in this way reveals its potential notional and conceptual associations.

Примеры в словаре могут рассматриваться в качестве интертекста, погружающего слово в реальный узус и тем самым раскрывающего возможные смысловые и понятийные связи слова.

Н. Ю. Шведова говорит о «парадоксах словарной статьи», которые связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, задача глобального описания лексической системы должна материализоваться в минимизированном формате лексикографического жанра. Во-вторых, словарь сочетает «классоцентризм» языка и «лексоцентризм» (эгоцентризм) слова в словарной статье. Лексоцентризм словарной статьи предполагает представление в ней слова как единицы, связанной с другими словами системой понятийных и формальных связей, оно как бы притягивает к себе другие слова языкового микромира словаря. Классоцентризм языка основан на том, что слово в то же время подчиняется законам общей системы языка, полноправным компонентом которой оно выступает, соответственно словарная статья в специфической форме представляет соотношение «класс – слово как член класса». Кроме этого, к числу других парадоксов исследователь относит «максимальную концентрированность информации, заложенной в самом жанре словарной статьи – присущую ей потенцию восстановления общей картины классов», «всеобщую связанность всех константных свойств в слове – их искусственное разъятие в словарной статье как обязательное условие самого ее существования», и, наконец, «слово как единицу, не знающую состояния покоя, – представление слова в словарной статье как единицы, находящейся в состоянии покоя» [Шведова 1988: 6–11].

В разрешении названных парадоксов огромную роль в представлении семантики лексической единицы играет зона примеров, которая может рассматриваться в качестве интертекста, погружающего слово в реальный узус и тем самым раскрывающего возможные смысловые и понятийные связи слова, предоставляя дополнительную информацию, отсутствующую в дефиниции. На важное значение примеров указывали многие известные специалисты лексикографии.

О роли примеров в словаре образно сказал в свое время Пьер Ларусс, который впервые в *Nouveau Dictionnaire de la langue française* (1856) опубликовал в качестве эпиграфа высказывание, ставшее впоследствии неизменным во всех изданиях словаря *Petit Larousse illustré* вплоть до 1966 г.: «Un dictionnaire sans exemple est un squelette». В свою очередь, это высказывание, принадлежащее Вольтеру, в первоначальном виде выглядит немного иначе: «Un DICTIONNAIRE sans citations est un squelette». Характерная корректировка словосочетания с заменой компонента «без цитат» на «без примеров», которую вносит Пьер Ларусс, показательна для эволюции лексикографической теории XVIII–XIX вв. в сторону расширительного толкования зоны примеров. Функциональная двуплановость словарного примера, который

одновременно может быть интерпретирован как автономное высказывание (информирующее о знаке), но также и как высказывание, информирующее о мире вещей, обуславливает сложности при создании общей типологии примеров, с которой сталкивались все исследователи, ставящие перед собой такую задачу. Поэтому приходится признать, что в лексикографической практике принято оперировать двумя типами примеров – конструированными (*exemple forgé ou construit*) и почерпнутыми из литературы, цитатами (*exemple signé, citation d'auteur*).

Изучение словарных примеров, выполненное в исторической перспективе, со всей очевидностью свидетельствует о том, что в каждом словаре отражается своя «идеологическая стратегия» в области использования примеров, в частности, в определении приоритетов при их отборе. Так, например, четыре первые словаря французского языка XVII в. представляют различное отношение к конструированным и литературным примерам. Характерно, что первоначальный проект составления словаря Академии, предложенный Шапеленом, предполагал тщательный отбор текстов «лучших авторов» прошлого, в соответствии с чем произведения лучших авторов XVI и начала XVII в. были распределены между членами Французской Академии, привлеченными к лексикографической работе. Однако работая над первым изданием Словаря, академики, многие из которых были известными мастерами словесности, отказались от идеи использования литературных примеров, приняв решение сопровождать словарные дефиниции примерами, созданными ими самими.

Такое решение объяснялось, по всей видимости, двумя причинами. Во-первых, методологической установкой на синхронное представление состояния французского языка и тем фактом, что к 40-м годам XVII в., по замечанию Б. Кемада [Quémada 1997: IV], в литературном французском языке еще не сложилась норма, которая могла бы служить моделью для подражания, и поэтому французские академики не могли обратиться к историческим текстам по примеру тосканцев. «Trente ans plus tard, la situation était différente après le travail d'épuration et de normalisation mené au sein de la société cultivée: sa langue parlée et écrite, codifiée par le nouveau "bon usage", allait pouvoir servir de modèle» (Ibid.). Во-вторых, учитывая несомненный «литературный» авторитет составителей Словаря, в случае решения об использовании литературных цитат в качестве примеров, авторам пришлось бы прибегать к самоцитированию, что едва ли было бы корректным с моральной точки зрения. Цель Словаря Академии заключалась в описании состояния и функционирования языка, и в этом состояла одна из основных характеристик, отличающая его от предшественников. В результате деятельности академиков была создана дидактическая нормативная «грамматика слов», представляющая французский язык в его синхроническом состоянии. Вместе с тем, в словаре Ришле последовательно используются обширные литературные примеры, цель которых, как замечает А. Леманн [Lehmann 1995], состоит в апеллировании к лучшим авторитетам в области стиля и описанию *bon usage*, в отличие от словаря Фюретьера, доля литературных примеров в котором ограничена, а сами они предполагают прежде всего литературные цели и не претендуют на манипулирование вопросами правильности или неправильности языковых форм. Отметим, что, если первые академические словари русского языка в качестве оправдательных примеров обращались исключительно к памятникам старинной письменности, то уже в «Словаре русского языка, составленного Вторым отделением Академии наук» (1891) авторы в качестве источников «выписок из книг» называют «всех наших первоклассных и некоторых второстепенных писателей», народные поговорки и пословицы, а также «примеры из обыкновенной разговорной речи, которые не могут быть отвергаемы,

когда они проходят через цензуру общества ученых и литераторов, между которыми есть и писатели с авторитетом» [Предисловие 1891: XII].

Аналогичным образом исследователи, сопоставляя методологию использования примеров в словарях XIX в. Литтре и Общем Словаре Пьера Ларусса, также делают вывод о проявлении качественно различной идеологии в этой области [Delesalle 1995]. В самом общем виде можно сказать, что пример в лексикографическом тексте обладает функциональным статусом (он должен выступать как доказательство «*du bon usage*», семантическим и семиотическим статусом (пример есть объект «двойного чтения», т. е. может выступать как автономный элемент, коррелирующий с языковым знаком, либо как носитель информации о внешнем мире), социальным и прагматическим статусом (выбор примеров происходит в соответствии с теоретическими, педагогическими, издательскими, т. е. идеологическими установками лексикографа).

Относительно функциональной многоаспектности примеров хотелось бы остановиться на двух моментах, которые представляются нам особо важными в контексте рассматриваемой проблемы – пример как носитель определенной культурной информации, выявляющей социальные и исторические аспекты, важные для индивида как представителя языкового коллектива, и пример как типизированный контекст, актуализирующий интертекстуальные связи.

«Культурный компонент» дефиниции представляет информацию культурно-социального и культурно-бытового плана. Первая характеризует хозяйственный уклад соответствующего исторического периода, наблюдения человека за климатом, а также отражает соответствующий уровень его знаний в области страноведения (информацию о сезонном характере, комментарии о сельском хозяйстве, рыбной ловле, охоте, страноведческую информацию. Вторая группа информации маркирована персонифицированным характером, личностью автора, который выступает не столько как педагог–носитель общего знания, сколько педагог-личность, опирающийся на свой индивидуальный опыт. Информация подобного рода присутствует главным образом в исторических словарях французского языка.

Второй аспект функционирования примеров в лексикографическом дискурсе связан с тем, что, выступая в качестве типизированных контекстов, они актуализируют интертекстуальные связи. Об этой особенности словарных примеров хорошо сказала С. Г. Ильенко: «Они как бы завершают естественный лингвистический круговорот, в котором толкование значения слова, вырастая из контекстов, вновь ими подкрепляется, возвращается “на круги своя”, копируя в определенном смысле путь индивидуального языкового сознания. Но главное не в этом. Типизированный контекст должен быть квалифицирован как *жанровая составляющая* словарной статьи наряду с презентацией слова-знака, его толкованием, системой стилистических и грамматических помет. Словарная статья *интертекстуальна* по своей сути, поскольку обусловлена в конечном счете взаимодействием множества текстов друг с другом внутри единства, целостность которого определяется презентацией слова» [Ильенко 1995: 79]. Словарь есть отображение языка и процесс пользования им есть в определенной степени рефлекс тех закономерностей, по которым мы распознаем язык. В этом смысле общий блок словаря распадается на фрагменты, каждый фрагмент (=словарная статья) нацелен на представление слова, при этом искусственно выделяя два стратификационных уровня: дефиниция как границы значения слова, и пример как актуализация его смысла в связях с другими словами.

Таким образом, речь идет о принципе двойной артикуляции в словарном тексте как представления языковой системы. Теория двойной артикуляции восходит к

функциональной лингвистике А. Мартине [Martinet 1960], где ученый под двойной артикуляцией подразумевает специфическую организацию естественного языка, в соответствии с которой любое высказывание (понимаемое в широком смысле, т. е. фразы, синтагмы, слова, и т. д.) артикулируется в двух планах. На уровне первой артикуляции высказывание создается с помощью единиц, наделенных смысловым содержанием и звуковым выражением (монемами или морфемой). На уровне второй артикуляции монема, в свою очередь, артикулируется с помощью дистинктивных единиц, лишенных смысла (фонема). Двойная артикуляция предстает для А. Мартине и его последователей как особая характеристика языка, отличающая его от других коммуникативных систем.

Идея двойной артикуляции оказалась чрезвычайно плодотворной и дала импульс в развитии теории не только лингвистики, но и других гуманитарных дисциплин. Так, К. Леви-Стросс экстраполирует понятие «двойной артикуляции» в область структурной антропологии. В своей книге «Le regard éloigné» он отводит главу «урокам лингвистики» (текст, который ранее был опубликован в качестве предисловия к французскому изданию «Шести уроков о звуке и смысле» 1976 г. Р. Якобсона), где подробно рассматривает элементарные единицы мифического дискурса («мифемы»). С точки зрения стандартного немифического дискурса изолированные мифемы обладают смыслом, но в контексте мифического рассказа лишаются его. «В обыденной речи *солнце* представляет собой дневное светило, но взятое как само по себе и самостоятельно, мифема “солнце” не имеет никакого смысла. В соответствии с мифами, которые выбраны для рассмотрения, солнце может покрывать самое разное понятийное содержание. Действительно, когда *солнце* появляется в мифе, никто не может заранее сказать, какова его индивидуальность, его природа и функции. Только в корреляции и оппозиции, в которые оно входит с другими мифемами внутри мифа, может выявиться его значение. Оно напрямую не принадлежит никакой мифеме, а представляет собой результирующую их комбинации» [Levi-Strauss 1983: 199]. Таким образом, для К. Леви-Стросса мифема, первоначально артикулируемая на уровне общей лексики как единица, обладающая значением (хотя он и употребляет термин «смысл»), одновременно выступает как единица второго членения с характерной звуковой формой и лишенная смысла с точки зрения мифологического дискурса вообще, снова приобретает индивидуальный смысл как только попадает в соответствующий мифический контекст. Иначе говоря, артикуляция для него состоит не в разбиении макроединицы, коррелирующей со смыслом, на минимальные единицы, обладающие звуковой формой *в линейной последовательности*, а в реализации различного рода отношений одной и той же единицы, в которые она вступает со своим окружением в зависимости от дискурсивной специфики *в вертикальном членении*. Аналогичным образом, принцип двойного членения в словарном тексте реализует себя через взаимосвязь и неразрывность дефиниции как результата семантического разложения лексических единиц, вырванных из реального дискурса, и примера, в котором слово возвращается в свое синтаксическое и лексическое окружение и актуализирует отдельные компоненты своего значения.

Представляя собой функциональный элемент в системе словарного текста, зона примеров обладает вариативностью конвенционально установленных формально-содержательных характеристик и выступает полифункциональным языковым и композиционным средством представления итогов культурного опыта социума, информации о характеристиках слова, используемой в процессе общения, а в

совокупности со словарной дефиницией становится отражением принципа двойного членения семиотической системы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ильенко С. Г.* Интертекстуальность на страницах толковых словарей советского периода в свете контекстуального принципа акад. В. В. Виноградова // Междунар. юбилейная сессия, посвящ. 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова: Тезисы докладов. – М., 1995. – С. 78–81.
2. *Шведова Н. Ю.* Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. статей / Отв. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1988. – С. 6-11.
3. *Предисловие* // Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук; 5-е изд. / Ред. акад. Я. К. Грот. – Т. 1. – Вып. 1. – СПб.: Типография Акад. наук, 1891. – С. V-XIV.
4. *Delesalle S.* Le traitement des exemples dans les grands dictionnaires de la seconde partie du XIXe siècle (Littré, *Dictionnaire Universel* de P. Larousse, *Dictionnaire général*) / S. Delesalle // *Langue Française*. – 1995. – N° 106. – P. 68-75.
5. *Lehmann A.* L'exemple et la définition dans les dictionnaires pour enfants / A. Lehmann // *Repères*. – 1993. – N° 8. – P. 63-78.
6. *Levi-Strauss Cl.* Le regard éloigné / Cl. Levi-Strauss – Paris: Plon, 1983. – 398 p.
7. *Martinet A.* Éléments de linguistique générale / A. Martinet. – Paris: Armand Colin, 1960. – 224 p.
8. *Quémada B.* Présentation/ B. Quémada // Les Préfaces du dictionnaire de l'Académie française 1694-1992 / Sous la dir. de B. Quémada. – Paris: Honoré Champion, 1997. – P. I–XI.